

Наунов Юрий

1.4.02

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Гитарист Юрий Наунов, с 1990 года живущий в Нью-Йорке, в апреле в очередной раз приезжает в Россию и дает концерты в Москве и Санкт-Петербурге

СОН

НАЯВУ

Юрий Наунов. Вот его облик, когда он выходит на сцену: длинные волосы, нервно-неустойчивая подростковая походка, ритмика то ли артистическая, то ли женственная... Вот его несколько слащавая, в духе старого хиппи, манера обращаться с залом, повторяя ему: «Мои милые... мои хорошие...». Его язык напоминает о баснословных годах рок-н-роллной юности: «мне по кайфу», «рубиться в одиночку»... И он — профессорский сын — не стесняется в интервью пустить матерком, в чем снова обнаруживает верность прошлому и среде — кафе «Сайгон», буйным концертам и глубоким ленинградским подворотням.

Все эти подробности, перечень которых, впрочем, можно множить и множить, перестают иметь смысл в ту секунду, когда он, склонившись над гитарой, касается ее струн. В этот момент перестает быть важным, как он выглядит, что и как говорит и даже — какие слова поет. Тексты, которые он поет, корнями вырастают все из того же начального рока, рока проходных дворов — мрачное отчаяние, лирика и патетика... Но гитара его в любой момент песни способна сказать больше, чем он умеет сказать словами.

Что такое для него гитара? Вряд ли он, виртуоз-гитарист, расценивает себя в одном ряду с другими виртуозами гитары, такими, как Пако де Лусиа; гитара для него, в классических традициях рок-н-рольных жизнеописаний, — всего лишь повод к путешествию, всего лишь способ мелодического трипа, ведущего в ломовые неведомые пределы.

Его эксперименты и поиски, пройдя какими-то не совсем понятными, кружными, витыми, мистическими путями, пришли к искомой точке, в которой звук и жизнь являются синонимами.

Это хрупкий и одновременно мощный звук, в котором отражается в нервных изгибах *вся* жизнь: музыкальный импрессионизм, раздерганная на фрагменты действительность, плывущая то ли в окне автобуса, несущегося по американскому хайвею, то ли отражающаяся в лужах весенней Москвы.

Его музыка — это что-то небывалое, столь же странное, как и само понятие «русский блюз». В этой музыке каждый может услышать все что угодно — так она хороша, так свободна и всеобъемлюща. В эту музыку вплетены тягучие интонации блюза и нервная ритмика фламенко, в ней слышны клаксоны нью-йоркских такси и удаляющиеся, истаявающие голоса тех нервных мальчиков и девочек, которые жили когда-то в безвоздушной советской империи... Это сон наяву. Ток сознания, освобожденного от постылой реальности. И этим его музыка, вмещающая так много жизни, подобна смерти.

● Алексей ПОЛИКОВСКИЙ

ДИСКОГРАФИЯ: *Депрессия* (1983) — *Блюз в 1000 дней* (1986) — *Не поддающийся проверке* (1987) — *Перекачено* (1989) — *Violet* (1995) — *Московский буги* (2000) — *Гитарные истории* (2001).

Новая газета. — 2002. —
— 1 апр. — с. 22 — 23